

Ефим КЛОЦ

На 83-твем
моим детям, внукам, родственникам

О нашей семье, близких нам людях и временах,
формировавших их судьбы.

Театр лет вывел меня на ту ступень жизни,
когда человек может сказать о себе, что он са-
мый старший по возрасту и единственный еще
живой, кто хорошо знал многих представителей не-
когда большого рода. К сожалению, я знаю не все и
не обо всех. Мне стыдно за то, что не знаю даже имен
своей бабушки — мамы моего папы. О подобных явле-
ниях — дальше. Здесь, в вводной части, считаю нужным от-
метить, что написал только о том, что помню сам и о
слышанном в семье; оценки некоторым общест-
венно-политическим событиям даны в понимании
времени, к которому они относились, а отдельные
подробности — для лучшего представления оси-
туящих.

Воспоминания написал по многим признакам. Це-
лочки жизни большинства еврейских семей разор-
ваны вынужденной диаспорой, многие звенья цепот-
тки безвозвратно утеряны, поэтому надо передавать
потомкам еще известное; мои, к счастью, этим ин-
тересуются. Я давно хотел заняться семейной ис-
торией но текущие работы никак не кончат-

лисв. Корректируя в последовательность работ выше
 мой самый младший внучок Лёвочка: он проявил
 большой интерес к истории семьи. Однако прибли-
 жалась шестидесятая годовщина Победы над фашист-
 ской Германией. Мои друзья предложили откликну-
 ться на эту огненную важную дату, и я написал воспо-
 минания о семье с себя, написал «Метры
 пехоты». Замысел темы не нарушен: война нету-
 певшими стальными скребками прошлась по
 жизням людей и из нашего рода.

Метры пехоты

Тем дальше чхорят гозы Великой Оте-
 гественной войны, тем важнее, мне пред-
 ставляется, показывать связь военных эпи-
 зодов с решениями высшего командования,
 с фактами жизни страны — на всех стади-
 ях войны. В период определившегося всеро-
 бщего наступления Советской Армии дейст-
 вия даже взвода были частью стратеги-
 чески-тактического плана победы. В такой
 связи — один из залогов успеха и более ясного
 представления о происходившем. Поэтому на-
 начу с фрагментов из книги Мартина Мер-
 жанова «Солдат, генерал, маршал (о Баг-
 рамяне И.Х.)». Из: во. полит. а-ры, М., 1974.

«

В июле 1944 года «Правда» писала:

«По центральным улицам Москвы под конвоем со-
 ветских солдат прошли 57 600 человек пленных, за-

3.

хваченных в Белоруссии. Впереди гигантской колонны, опустив головы, двигались германские генералы и офицеры...

Они победно прошествовали через многие столицы Европы — Варшаву, Париж, Прагу, Белград, Афины, Амстердам, Брюссель и Копенгаген. Их мечтой было так пройти по Москве. И вот они шагали по ней, но не как победители, а как побежденные...

«...двигались пленные мимо молчавших, гневных москвичей, плотными рядами стоявших на тротуарах»... »; с.81.

Прошедшие пленные, по численности, составляли более четырёх стрелковых дивизий — внушительная сила. Так что июльское шестое было зрымым свидетельством грядущей победы, моральным стимулом измученному войной советскому народу. Тогда «9 мая» было не более, чем число в календаре. Несмотря на определившийся явный перевес в пользу Советской Армии, война шла ожесточённая, враг пытался переломить ситуацию.

« Баграмян исходил из того, что Прибалтику гитлеровцы будут удерживать до последних возможностей. Эта их задача имела не только стратегический, но и политический смысл. Опираясь на созданные здесь хорошо оборудованные в инженерном отношении рубежи, командование группы армий «Север» могло высвободить достаточное количество войск для противодействия войскам 1-го Прибалтийского фронта. »; с.82.

« Предстоящая операция была связана с трудностями, которые возникли в связи с контратаками гитлеровцев... »

20 июля 1944 года началось наступление ударной группировки фронта на Шяуляйском направлении. Войска сравнительно быстро преодолели первый оборонительный рубеж и двинулись вперед. »; с.83, 85.

Я книга М Молчанов - 51

4.

мание еще на один значительный факт, произошедший в тот же день, 20 июля, но по ту сторону фронта,

« В ту ночь, когда командующий фронтом генерал Баграмян и начальник штаба генерал Курасов окончательно отшлифовали все детали шяуляйской операции, в Восточной Пруссии, в районе Растенбурга, в ставке Гитлера — так называемом «Вольфшанце» («волчье логово») — в 300 километрах от штаба 1-го Прибалтийского фронта, тоже над картой сидел начальник оперативного отдела генерального штаба генерал А. Хойзингер. Он готовился к докладу фюреру, назначенному на 20 июля в полдень... »

Именно в эту секунду раздался оглушительный взрыв... Гитлер вылез из-под упавшего на него стола. Он получил ожоги и легкие ранения. »

» с. 85, 86.

« ...Наши войска шли на запад... »

Гитлеровцы чувствовали близкую Восточную Пруссию и край земли — берег Балтийского моря.

На второй день после начала наступления был освобожден город Паневежис, вскоре и Шяуляй. В тот же день после упорных боев войска 2-го Прибалтийского фронта и 6-й гвардейской армии генерала Чистякова овладели Даугавпилсом. »

После освобождения Шяуляя противник лихорадочно усиливал сопротивление. »

» с. 86.

Перед масштабных событий приблизилась моя особую дату, 24 июля 1944 года, о которой рассказывало.

Раннее утро. Передовая я. Вернулась разведка. Она проверила, в частности, положение на нейтральном участке, откуда предстояло продолжить наступление. Незадолго до

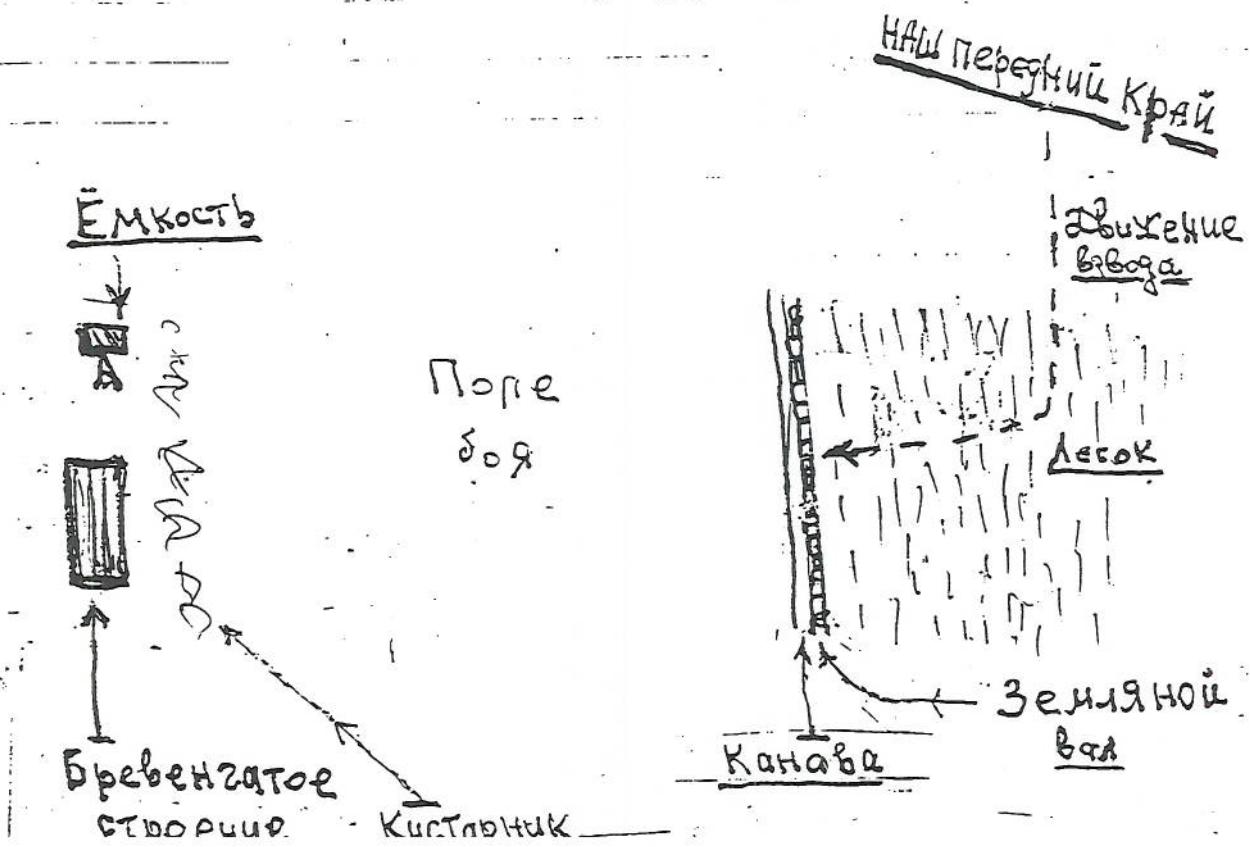
6-я гвардейская армия входила в состав 1-го Прибалтийского фронта. В данной операции она взаимодействовала с войсками 2-го Прибалтийского фронта.

Возвращения разведки нам принесли в наплечных термосах горячую вкусную кашицу с маслом, сладкий чай, хлеб. Мы не торопясь наелись, ещё раз проверили оружие, кто-то осторожно закурил, все замолгали; ждали приказа на выдвижение к исходным позициям. Я был младшим лейтенантом (после окончания Годичного Тульского пулемётно-миномётного училища), командиром стрелкового взвода — 517 стрелковый Краснознамённый полк, 166 гвардейская дивизия, 6-я гвардейская армия. Обстановка на уровне стрелкового-пехотного взвода была та-
коа.

Нейтральная полоса проходила как бы под углом. Линия нашего переднего края возвышалась слегка над узким полем, которое опиралось противоположной стороной в маленькое редколесье. Предстояло спуститься в лесок, пройти его поперёк и залезть за низким земляным валом — рубежом атаки. Впрочем к валу, с внешней от нас стороны, — низкая мелиоративная канава. За валом, напрямую в сторону немцев, тоже было небольшое поле длиной — по направлению наше го наступления — метров, примерно, 120. И

6.

Это поле было под слабым наклоном, но в нашу сторону (для наступающей пехоты это плохо). На немецкой стороне поле граничило с кустарником, старыми деревьями, боковой стеной длинного бревенчатого хуторского строения (амбар или сарай), а немного правее — с большой ёмкостью на высоких металлических опорах. Два объекта — строение и ёмкость — можно было превратить за короткое время в хорошо защищённые огневые точки. Это входило в защитную полосу немецкой обороны. Такова была диспозиция, место нашего взвода в бою, показывало всё в плане.



Выдвижение на исходные позиции прошло быстро, спокойно. В молоденький лесок вошли в полной боевой готовности. Когда приближались к земляному валу, противник открыл огонь, как слышалось, по широкому фронту наступавшей армии. Всем взводом мы "вырнули" к валу. Никто не пострадал. Мгновенно открыли ответный огонь. Сила нажатия на спусковой курок, чудоная сила пучи, казалось, умножались на силу ненависти к фашизму, Гитлеру. Автоматными очередями мы были по местам наиболее вероятных, надёжных для врага, огневых точек. По обстановке мы хорошо подготовились к атаке. В соседнем взводе находился командир роты (значит, там участок было сложнее). Они тоже как следует "прополоскали" позицию врага, и мы одновременно поднялись в атаку: мигом перескакнули через земляной вал, канаву и стремились вперёд.

Особенность боя состояла в том, что расстояние между нашими и немецкими позициями, повторяю, было минимальное. Это значило, что нам надо было сбить уверенность врага в надёжности обороны, а главное — усилившим огнём ближнего боя выбить его с занимаемых позиций. Причины такого вида пехотных атак возникали потому,

8.

Что если враг выдерживал аж чудо-бронь
сгруппированной огневой мощи дивизий, армий,
то он закреплялся на промежуточных линиях обороны и пытался сдержать наступающей
Советской Армии. Для этого он последовательно выстраивал защищу, и на переднюю линию своей обороны выдвигал (обычно) стрелковые подразделения — «человека с ружьем». Немцы отступали, но не бежали. Поэтому — не дать закрепиться врагу на промежуточных позициях, выбить «человека с ружьем» и отогнать противника к редежам и краю времени, установленным в оперативных разработках высшего командования. Такова задача. В подобных операциях последнюю роль ставила пехота. В этом была её незаменимость, сила и жертвенность:

Мы атаковали и на бегу вели автоматный огонь короткими огнедражами, чтобы ограничить ответный огонь противника и не снижать темпа атаки. (Пояснение. На коротком расстоянии, да ещё на открытой местности под наклоном, даже слабым, но

19.

выгодным противнику, «классическая» атака — залегания и короткие перебежки с сечением огня — практически исключена: атакующие хорошо видны, малодвижны. Нужен быстрый бросок и сконцентрированный огонь по неширокой полосе атакуемой возводом линии.

Так и было. По мере быстрого преодоления короткого расстояния огонь нарастал, но уже тому, возле чьих позиций находится атакующая пехота. Однако в общем шуме боя пули выводили из строя наших бойцов. На каком-то десятке метров это то плоское, жесткое огненное сильно толкнуло меня справа и сбило с ног. Толчок был такой силы, что в моём сознании не зафиксировался момент падения.

Самоощущение нагло возвращается непрерывным гулом, мраком и своеобразным ветром в голове. Всё это как бы быстро тащило меня в какую-то даль, к светлому пятну. В какой-то миг открылись глаза. Я лежал никаком, в луже крови. Жгущая боль в рту, на лице, в первом плече. У головы

лежал мой автомат ППШ (пистолет-пулемёт Шпагина), боковым зрением увидел куски рваной щеки, с которых стекали сгустки крови; первого предупреждения не было: месиво^{из}маяса и крови держало на куске разорванного рукава гимнастёрки и на темносиней жилке. Ужас охватил меня: неужели умираю, неужели не увижу мою Москву?!

[Москва представилась не родственниками не родным домом — мне было 19 лет, мои родители к тому времени умерли. Москва представилась в тот миг чутким углом Пушкинской площади, где стояли памятник великому поэту (на исключном месте) и гипсовая статуя балерины (на крыше нового Торгового углового дома по улице Горького).]

Растерянность, шок сменились восстановлением сознания, хотя в голове сильно шумело и стучало в висках, сгустки крови давили горло, я беспредельно заглатывал их. Однако страх смерти сменился стремлением выжить. Я осторожно развернулся на левом плече, опёрся на левую гаечку спинны, левой рукой подтянул правую руку, потом протащил полевую сумку и лёгкой обмотал оторванную руку; в поиске некоторого облегчения боли я попытался снять с лица жгущую тяжесть, но пальцы коснулись языка. Я решил выбираться своими силами. Не успел подня-



свои действия, как через секунды я увидел возле седя медицинскую сестру. С колен, нагнувшись, без слов, она

нагада бинтовать моё лицо, потом вважавы пыта-
лась наложить жгут на первое предплечье, жгут не

держался. «Придётся тутую повязку» — сказала она

тихо, ни мне, ни себе и опять открыла санитар-

ную сумку. Пока сестра бинтовала, я пытался вни-
тко произнести слово пить. Она, конечно, всё по-

нимала и без моего мышления, и когда кончила
бинтовать, приподняла две фляги, слегка потряс-

ла ими и тихо, с большим сочувствием сказала: «Ране-
ные вышли. Потерпи, родной, скоро заберём тебя».

По-прежнему оставаясь низко пригнувшись к
земле, сестра отползла.

Тугие повязки приглушили ощущения ост-
рой боли, а жажда мучала: казалось, что во рту чу-
мения пропонявшая, перевернувшая портянка, ко-
торую я вынужден отсасывать.

Полулёжа на спине, я постянул повыше, к груди,
полевую сумку с примотанной рукой, зацепил ремень
автомата и, опираясь на левый локоть, стал поворач-
ь сторону лесоскафоза.

12.

можна, если бы я попил воды, остался бы ждать по-
мощи) близкий лесогек уже казался далёким, однако
я полз. Помню себя уже в сандроте: знали, се-
стра вернулась, меня вынесли. В сандроте напо-
ли незабываемой прелести сырой, прохла-
дной водой, сделали обязательный для всех
раненых противостолбнячный укол. Потом —
операционная медсанбата.

[Санитарная рота — ближайший к боевым
действиям медицинский пункт; располагалась на
передовых позициях; ее функция — неот-
ложная помощь раненому и отправка его в медсан-
бат.

Медицинско = санитарный батальон — разёр-
нутый в боевых условиях полнознаний, по
мере продвижения армии, стационарный боль-
ничный комплекс; располагался в глубине фро-
нтовой полосы на уровне вс помогательных подраз-
делений дивизий, армии. Из медсанбата пропортирован-
ных тяжело раненных бойцов отправлялись по цено-
зке эвакогоспиталей (ЭГ) до ближайшей восста-
новленной железной дороги, куда подходили сан-
итарные поезда. Они развозили раненых по госпи-
талям страны; в ЭГ раненые находились 2-4
дня, в зависимости от процесса лечения и их физи-
ческого состояния. Перевозили раненых самолётами.

Была ночь, когда я проснулся от харкоза. Увидел себя в большой армейской палатке. На центральном опорном шесте слабо светилась лампочка. За небольшой тумбожкой сидела медсанбинская сестра. Много коеч, на всех раненые. Помог входа в палатку отброшен, тянет запахом лекарства. Особая тишина ночи. Ни выстрела, как будто нет войны. Моя челюсть стянута бинтами; по горло накрыт простыней. Рука?! - Я резко сдёрнул простыню. Широкие бинты оттягивали грудь, а правое плечо было замотано в круговую толстой бинтовой повязкой. «Всё. Руки не будет!»

Сердце сказала я себе и поняла свою норовую будущность. Сестра услышала какое-то движение, подошла, заново накрыла простыней, говорила что-то обнадеживающее, но я уже не слушалася, как чуром.

Оказалось, я не всё знал тогда об этом дне: было и третья луна. В городе Иваново, где я лежал в центральном госпитале, впервые после ранения взял свою полевую сумку и ахнул. В кармане её левого уголка был пульевой вход/выход головы, маленькая вытвска), а на вылете, в задней утолщённой стенке, - большой разрез, как ножом; на дыньшке сумки лежали вязово-обитая личинка оболочка пчели и

14.

расположенный кусочек свинца. Так ывёт разры-
вная пуля. По сей день храню эти предметы, став-
шие для меня реликвиями Великой Отече-
ственной Войны. Дороги к Победе над германским
нацизмом были крутыми. Служая густые звуки фан-
фар победителям, отдаим честь и тем, чьи моло-
дость навсегда застыла в той тяжёлой войне.

Я награждён двумя орденами «Отечественная во-
йна», первой и второй степени, а также медалью «За
Победу над Германией» и памятно-юбилейными меда-
лями СССР, РФ и Израиля.

[Сокращённо опубликовано в ежедневнике
«КСТАТИ» (Калифорния) 1-7 июня
2006 года. №585, стр.35. <http://www.kstati.net>].



Продолжение на эту схожую для меня эпизо-
да из госпитального периода. Я задался вопро-
сом: как мне жить без руки? Сложности

были очевидны, да суровые условия жизни военных
лет не утешали. Были и такие инвалиды войны, кото-
рые не выдерживали свалившихся на них бед и
скатывались на дно жизни; это вовсе не была замо-
нументность, следовавшая из их прошлого. Я понял,
что помочь, силу надо искать в себе же; уже в госпита-
ле надо начинать готовить себя к новой жизни. Но
как?

Первое испытание подсказало необходимость
исповеди братям о своём ранении. Я по-

буквы; когда решил, что достиг успеха в каллиграфии, попросил медицинскую сестру поискать твёрдую пачку или фанерку, чтобы на согнутых ногах мог написать свою короткуюписьма. Как я вижу, комуто её удивление и предложение написать письма под мою диктовку. Я поблагодарил и отказался, обяснив, что у меня никого нет, надо учиться всё делать самому.

Буквы получились корявые, адреса написала сестра. Главное было в том, чтобы не принять сообразительницу, иногда разрушавшую волю человека, помочь. Это был мой первый шаг к самоуважению в сложившейся реальности.

Среди погибших мой друг — Заславский Яков Михайлович, р. 1923 года, москвич, жил на Сретенке, д. Хмелёва, 11. Мы познакомились задолго до войны в пионерском лагере. Яша закончил (если не ошибаюсь, Самарканское) танковое училище. Был ранен, после госпиталя вернулся на фронт, но не танкистом. В звании старшего лейтенанта, на 2-ом Прибалтийском фронте, 25 июля 1944 года, то есть на следующий день после моего ранения, Яшу тяжело ранено в живот; в тот же день он скончался.

После войны фронтовой товарищ Яши присдал его родителям памятную карту, на которой только поменяна могила Яши. При содействии военкомата из родителям разрешили перезахоронить своего единственного на подмосковном еврейском кладбище «Востряковское». Яшина могила — в правом чётком от главных ворот. Подборка его писем с фронта опубликована в журнале «Знамя». Отдана честь фронтовой сестре моего друга — Люсе Зиминенко, которая многое

Той же могиле покончился его май - Михаил Яковлевна.

С Яней связано воспоминание о последнем
довоенном пионерском лете, о 1940 году. Всегда можно
было пробыть за городом две смены, да родители ско-
бождались от забот о детях. Уровень интереса определялся в
лагере квалификацией школьных педагогов, которые вели
кружковую работу. Кружки были: художественного слова, бота-
нический, чумовые руки, военизированного направления —
авиамодельный, географический. Всегда, когда уже смер-
калось, разжигали костёр. Ребята, преимущественно дево-
чки, жгли — кто наизустё, кто по книге — стихи, неболь-
шие рассказы русско-советских классиков. Потом педагог-
руководитель кружка помогал разобраться в подлин-
ном содержании прочитанного, найти смысловые
ударения. Такие необходимые тесретизированные
уроки легко запоминались и помогали нам
в школе получать хорошие отметки по литературе.

В предвоенные годы пригородные электрички
по Киевской железной дороге ещё не ходили. Только на
участке Северный (Борисовский) вокзал — станция Александров
поехала тянула электровозы. Приезжавшие с восторгом рас-
казывали о разности выездованный от эзды. Ну, а если та-
кое попадало на счастье знакомых ребят, то ты становился
зачистливым свидетелем потока хвастства; ребята чувство-
вали себя героями, будто они и есть те самые электровозы,

← Так зю и летом 1940 года до станции Сукаово по Киевской, где размещался пионерский лагерь, мы ехали в старых, громыхавших, переваливавшихся с боку на бок, вагонах. Состав тащил тоже старый, приспособленный для пригородного движения, паровоз. Зато он был надраен до сверкающего блеска, и это придавало какой-то шарм путешествию. Паровоз превышисто гудел, с шумом выпускал,

пар; колёса монотонно и часто стучали на стыках рельс; угольная гаря из трубы паровоза летела в открытое окна вагонов; при торможении вагоны с язгом и силой сталкивались буферами, поэтому редко, которые неустойчиво стояли, или сидели на краешках сидений, могли упасть. Условия езды веселили нас. Мы сравнивали их с относительно недавно (лето 1935 года) открывшейся впервые в СССР линией Московского метрополитена имени Л. М. Кагановича («Сокольники») — «Парк культуры имени А. М. Горького». Несмотря на пыхтение паровоза пейзаж медленно зменился проплывал мимо окон поезда. Сукаово казалось по отношению к Москве несущественной далью, и на жительские дни мало кто приезжал, даже к младшим классникам. Отдалённость обединяла всех. Мы с любостью принимали предложения руководителей. Так, педагог по ботанике предложила присоединиться к сбору

18.

и оформление гербариев для среднеклассников. За таким занятием меня сфотографировал Яша: с букетиком полевых цветов в правой руке (это оказалось её последним фото).

С большим интересом мы ходили в походы по азимуту. Двум группам гионеров географ дал схемы разных маршрутов движения к общему сборно-му пункту. После тренировок на территории лагеря

мы гастенъко ходили на весь день в увлекательные походы. После завтрака получали сухие пайки, географ присоединялся к группе, в которой проводили новички, и в путь. Отношение к длительным походам было по-мальчишески сердёзное, у девочек тоже. Даже в тех случаях, когда выходили на знакомую местность, всё равно сверяли заданное в схеме с нашим движением.

В этом был особый штурманский фарс. На сборный пункт сходились к концу дня. Пришедшие первыми занимались костром. У огня дедали продзапасы, обсуждали примечательность маршрутов, задавали вопросы, внимательно слушали руководителя кружка, который к прямо-му ответу обычно добавлял какую-нибудь байку. Было весело, непринуждённо. Но кульминацией всему была... картошка. Мы клади её на угольки, с краю костра; на пределе терпения

19.

зевнуло картофелину с руки на руку, обжигаясь, с наслаждением пожирали королеву похода. Маршруты завершены, недосторевший костёр засиял под пристальным оком рукоподителя, величественны — звезды и земной, в пионерский лагерь, где ждёт ужин. Если возвращаться огнем поздно, и на небе светились большие медведица и Полярная звезда, то на каких-то участках пути они были нашими путеводными звёздами. Географ интересно рассказывал также о странах, где эти звёзды видны плохо, об ориентировании на море.

От насыщенности впечатлениями большого дня, в конец уставшие, мы крепко засыпали. В самом страшном сне никому не могло присниться, что некоторые из старших ребят немногим более чем через год будут пытаться выйти из немецкого окружения, используя навыки пионерских походов.

20.

Но мы пока в пионерском лагере сложного 1940 года. Помимо школы Яша занимался в студии живописи на Сретенке. Больше всего он увлекался портретом. К сожалению, у меня не сохранился его рисунок; было бы интересно посмотреть на сколько психология его портретов мне ещё помнится характерные выражения глаз на отдельных изображениях некоторых знакомых. Меня рисование никогда не привлекало. Единственный раз, в начальной школе, я со всем старанием нарисовал свою кошку, и то — маме пришлось добавить зверю пушистости. Понятно, Яша много рисовал; я ходил на самодельные выставки. Мой выбор не был случайным. Даже сейчас, когда виду летящий самолёт, провожаю его взглядом до тех пор, пока он не сливается с глубинами неба. Конечно, авиамантика убила в воздухальных боях, террористами. Но меня всегда восхищали, и я легко понимал физические законы, которые объединяю словом самолёт, поэтому школьная физика была моим любимым предметом. Кроме того, мой старший брат Гриша работал на авиационном заводе и учился на вечернем отделении Московского авиационного института; у нас бывали увлекательные беседы. После заключения Тракта о нападении между фашистской Германией и СССР (август 1939 года) Гриша иногда приносил мне хорошо иллюстрированные